

Бродяга / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Бродяга / рассказ БРОДЯГА

Он шел уже сорок дней и всюду искал работы. Он покинул родные места — Виль-Аваре в департаменте Ламанш, — потому что не мог там найти работу. Плотничий подмастерье, двадцати семи лет от роду, честный, трудолюбивый малый, он, старший сын, целых два месяца сидел на шее своей семьи, и ему ничего не оставалось, как бездействовать, скрестив сильные руки, потому что кругом была безработица. Хлеб редко видели в доме; обе его сестры ходили на поденщину, но зарабатывали мало, а он, Жак Рандель, самый здоровый из всех, ничего не делал, потому что нечего было делать, и объедал других.

Он справился в мэрии, и секретарь сказал ему, что в центральной Франции еще можно найти заработок.

И вот, выправив бумаги и свидетельства, он пустился в путь с семьей франками в кармане; за плечами на конце палки он нес узелок, где в голубом платке были завязаны пара запасных башмаков, штаны и рубаха.

Он шел без отдыха, днем и ночью, по бесконечным дорогам, под дождем и под солнцем, но все никак не мог достигнуть той таинственной страны, где рабочий, люд находит работу.

Сначала он упрямился, считая, что ему полагается только плотничать, раз он плотник. Но во всех мастерских, куда он ни являлся, ему отвечали, что пришлось отпустить людей за отсутствием заказов; израсходовав почти все деньги, он решил браться за любую работу, какая только подвернется на пути.

И вот он по очереди побывал землекопом, конюхом, каменотесом; он рубил дрова, валил деревья, вырыл колодец, гасил известь, вязал хворост, пас в горах коз — и все это за несколько су, так как если он и получал изредка на два — три дня работу, то лишь потому, что низкая цена, какую он просил за свои услуги, соблазняла прижимистых подрядчиков и фермеров.

А теперь уже целую неделю он ничего не мог заработать, у него

ничего не осталось, и он кое-как перебивался корками хлеба, которые, скитаясь по дорогам, вымаливал у дверей сострадательных хозяев.

Вечерело. Жак Рандель, еле волоча ноги, измученный голодом, в полном отчаянии брел босиком по траве вдоль дороги: он берег последнюю пару башмаков, потому что другой давно уж не стало. Дело было в субботу, поздней осенней порой. Ветер свистел в ветвях деревьев и быстро гнал по небу тяжелые, серые тучи. Собирался дождь. В тот вечер, накануне воскресенья, кругом было безлюдно. В полях там и сям торчали скирды обмолоченной соломы, похожие на огромные желтые грибы; земля же, засеянная к будущему году, казалась обнаженной.

Рандель чувствовал голод, зверский голод, тот голод, что заставляет волков кидаться на людей. Изнуренный усталостью, он шагал широко, чтобы ступать пореже; он шел, опустив голову, кровь стучала в висках, глаза покраснели, во рту пересохло, а в руке он сжимал палку, ощущая смутное желание хватить ею первого встречного, который идет домой, где его ждет ужин.

Он глядел по краям дороги – ему мерещились вырытые и оставшиеся на вскопанной земле картофелины. Если бы удалось найти несколько штук, он собрал бы валежник, разложил бы в канаве костер и, право же, отлично поужинал бы горячими, сытными овощами, подержав их сначала в озябших руках.

Но время уборки картофеля уже прошло, и ему оставалось лишь, как и вчера, грызть сырую свеклу, вырванную из борозды.

Последние два дня он стал разговаривать вслух и шагал все быстрее, одержимый своими мыслями. До сих пор ему совсем не приходилось размышлять: весь свой ум, все свои несложные способности он вкладывал в труд. Но усталость, упорные поиски неуловимой работы, отказы, окрики, ночевки под открытым небом, голод, презрение к нему, к бродяге, которое он чувствовал у тех, кто жил оседло, ежедневно задаваемый вопрос: «Почему вы не живете дома?» – досада на то, что нечем занять свои работающие и умелые руки, воспоминание о родных, оставшихся дома и также не имевших ни единого су, – все это постепенно наполняло его яростью, накипавшей с каждым днем, с каждым часом, с каждой минутой и вырывавшейся у него против воли в

отрывистых гневных фразах.

Спотыкаясь босыми ногами о камни, он бормотал:

– Беда... беда... Ах, свиньи... оставляют человека подыхать с голоду... плотника... Ах, свиньи... и четырех су нет в кармане... и четырех су... а вот и дождь... Ах, свиньи!

Он негодовал на несправедливость судьбы и обвинял людей, всех людей в том, что природа, великая слепая мать, несправедлива, жестока и вероломна.

– Ах, свиньи! – повторял он, стиснув зубы и поглядывая на тонкие струйки сероватого дыма, подымавшегося над крышами в этот обеденный час. И, не вдумываясь в другую несправедливость, которую совершает уже сам человек и которая именуется насилием и грабежом, он испытывал желание войти в один из этих домов, убить хозяев и усесться за стол, на их место.

Он бормотал:

– Выходит, что я теперь не имею права жить... раз меня оставляют подыхать с голоду... а ведь я прошу только работы... Ах, свиньи!

Боль во всем теле, боль в животе от голода, боль в сердце ударяла ему в голову, как зловещее опьянение, и порождала в его мозгу простую мысль:

«Я имею право жить, потому что дышу, потому что воздух существует для всех. Значит, меня не имеют права оставлять без хлеба!»

Шел дождь, мелкий, частый, ледяной. Рандель остановился и пробормотал:

– Вот беда... еще целый месяц шляться по дорогам, пока вернешься домой...

Теперь он уже возвращался домой, поняв, что в родном городке, где его знают, он скорее найдет хоть какую-нибудь работу, чем на проезжих дорогах, где все смотрят на него с подозрением.

Раз плотничьей работы больше нет, он станет чернорабочим, будет гасить известь, копать землю, дробить булыжник. Если он заработает в день хотя бы двадцать су, на хлеб все-таки хватит.

Он повязал шею обрывком своего последнего платка, чтобы холодная вода не затекала на спину и грудь. Но скоро

почувствовал, что редкая ткань его одежды уже промокла насквозь, и с тоской посмотрел вокруг взглядом погибшего человека, который уж не знает, где найти приют, где преклонить голову, у которого во всем мире нет пристанища.

Надвигалась ночь, покрывая мраком поля. Вдали, на лугу, он заметил темное пятно – лежавшую на траве корову. Он перепрыгнул придорожную канаву и направился к ней, хотя и не вполне сознавал зачем.

Когда он подошел, она подняла свою большую голову, и он подумал: «Если бы у меня был горшок, я мог бы выпить молока». Он смотрел на корову, и корова смотрела на него; потом, внезапно ткнув ее со всего размаха ногою в бок, он крикнул: – Вставай!

Она медленно поднялась, и вымя ее тяжело повисло; тогда парень лег на спину, под животом коровы, и начал пить. Он пил долго-долго, выдаивая обеими руками вздувшийся сосок, горячий и пахнувший стойлом. Он пил, пока хватило молока в этом живом источнике.

Ледяной дождь шел еще сильнее, а вся равнина вокруг была пустынна, и укрыться было негде. Рандель озяб и глядел на огонек, мерцавший между деревьями, за окном какого-то дома.

Корова снова грузно опустилась на землю. Он присел возле нее, поглаживая ей голову в благодарность за то, что она его накормила. Густое и сильное дыхание, вырывавшееся из ноздрей животного, как две струйки пара в вечернем воздухе, обвевало лицо плотника, и он сказал:

– Там-то, в брюхе у тебя, не холодно.

Теперь он водил руками по ее груди и под мышками, ища немного тепла. И ему пришло в голову: а что, если улечься на землю и переночевать возле этого большого теплого брюха? Он отыскал местечко поудобней и лег, прислонившись головой к могучему вымени, которое только что наплатало его. И тут же, разбитый усталостью, заснул.

Но он не раз просыпался, чувствуя, что у него коченеют то живот, то спина, смотря по тому, какой стороной он прижимался к животному; тогда он переворачивался, чтобы обогреть и обсушить ту часть тела, которая зябла от ночного воздуха, и

сейчас же снова засыпал тяжелым сном.

Пение петуха подняло его на ноги. Заря разгоралась; дождь прекратился; небо было ясно.

Корова еще спала, положив морду на землю; он нагнулся к ней, опираясь на руки, поцеловал ее широкие влажные ноздри и сказал:

– Прощай, красавица... до следующего раза... ты славная скотинка... Прощай.

После этого он обулся и пустился в путь.

Часа два он шел все прямо и прямо по одному и тому же направлению; потом его охватила такая сильная усталость, что он сел на траву.

Начался день; в церквах звонили; мужчины в синих блузах, женщины в белых чепцах, одни пешком, другие взгромоздившись на тележки, все чаще попадались на дороге; они направлялись в соседние деревни, чтобы отпраздновать воскресенье в кругу друзей или родственников.

Показался толстый крестьянин, гнавший голов двадцать баранов; они блеяли и метались по сторонам, а проворная собака сгоняла их в стадо.

Рандель поднялся и снял шапку.

– Не найдется ли у вас какого-нибудь дела для рабочего человека? С голоду помираю, – сказал он.

Тот, бросив на бродягу злобный взгляд, ответил:

– У меня нет работы для всякого проходимца. И плотник снова уселся у придорожной канавы.

Он долго ждал, глядя, как мимо проходят деревенские жители, и стараясь найти среди них добродушного с виду человека, увидеть соболезнующее лицо, чтобы повторить свою мольбу.

Он выбрал человека, одетого как буржуа, в сюртуке, с золотой цепочкой на животе.

– Уже два месяца я ищу работы, – начал он. – И ничего не нахожу, а в кармане у меня нет ни гроша.

Деревенский буржуа ответил:

– Вам следовало бы прочесть объявление, вывешенное при въезде в деревню. В нашей коммуне нищенство запрещено. Имейте в виду, что я мэр, и, если вы немедленно не уберетесь отсюда, я

прикажу вас задержать.

Рандель, чувствуя прилив злобы, пробормотал:

– Ну и прикажите задержать, если вам угодно; мне это будет в самый раз: по крайней мере не подохну с голоду.

И он снова уселся у канавы.

Действительно, через четверть часа на дороге появились два жандарма. Они шли медленно, в ногу, на виду у всех, сверкая в лучах солнца лакированными треугольниками, желтыми кожаными перевязками и металлическими пуговицами, как бы за тем, чтобы устрашать злоумышленников и уже издали обращать их в бегство.

Плотник понял, что они идут к нему, но он и не пошевелился, внезапно загоровшись глухим желанием бросить им вызов, попасть в тюрьму, а потом отомстить.

Они подходили, словно не замечая его, маршируя солдатским шагом, тяжелым и мерным, как гусиная поступь. Затем, поравнявшись с ним, они сделали вид, будто только что увидели его, остановились и принялись его рассматривать с угрожающим и сердитым видом.

Сержант подошел к нему и спросил:

– Что вы здесь делаете?

Рандель спокойно ответил:

– Отдыхаю.

– Откуда вы?

– Чтобы назвать вам все места, где я побывал, мне не хватило бы и часа.

– Куда вы идете?

– В Виль-Аваре.

– Где это?

– В департаменте Ламанш.

– Это ваша родина?

– Моя родина.

– Почему вы оттуда ушли?

– Искал работы.

Сержант повернулся к жандарму и сказал с негодованием, как человек, которого одна и та же уловка выводит в конце концов из себя:

– Все эти бродяги твердят одно и то же. Но уж меня-то не

проведешь!

Потом продолжал, обращаясь к Ранделю:

– Документы при вас?

– При мне.

– Покажите.

Рандель вытащил из кармана документы, свидетельства, – жалкие бумажонки, грязные и потрепанные, уже превратившиеся в клочья, и протянул их жандарму.

Тот, запинаясь, прочитал их по складам, потом, удостоверившись, что все в порядке, возвратил их с недовольным видом, как будто его перехитрили.

Немного подумав, он начал снова:

– Деньги у вас есть?

– Нет.

– Совсем нет?

– Совсем.

– Ни одного су?

– Ни одного су.

– На что же вы живете в таком случае?

– Мне подают.

– Значит, вы просите милостыню?

Рандель ответил решительно:

– Да, когда могу.

Жандарм провозгласил:

– Я застиг вас с поличным: вы бродяжничаете, нищенствуете на большой дороге, у вас нет ни средств к существованию, ни определенного ремесла; предлагаю вам следовать за мной.

Плотник поднялся.

– Как вам будет угодно, – сказал он.

И, не дожидаясь приказа, стал между двумя жандармами, прибавив:

– Что ж, сажайте меня. Хоть крыша будет над головой, когда пойдет дождь.

И они отправились к селению, черепичные крыши которого виднелись неподалеку сквозь обнаженные ветви деревьев.

Когда они проходили по селу, в церкви начиналась месса.

Площадь была полна народу, и тотчас же образовалось два ряда

зрителей, желавших поглазеть, как ведут злоумышленника, за которым бежит куча взбудораженных ребятишек, Крестьяне и крестьянки смотрели на арестованного, который шел между двумя жандармами, и в их глазах вспыхивала ненависть; их подмывало забросать его камнями, содрать с него ногтями кожу, затоптать его. Всем хотелось знать, что он сделал: украл, убил? Мясник, бывший спаги, утверждал: «Это дезертир». Владелец табачной лавочки казалось, что он узнает человека, который в тот день утром всучил ему фальшивую монету в пятьдесят сантимов, а торговец скобяными товарами без обиняков признавал в нем неуловимого убийцу вдовы Мале, которого полиция разыскивала уже полгода.

В зале муниципального совета, куда жандармы ввели Ранделя, он увидел мэра, сидевшего за судейским столом, рядом с учителем.

— Ага! — воскликнул представитель власти. — Это опять вы, приятель! Я же сказал вам, что вы будете задержаны. Ну, сержант, что это за птица?

Сержант отвечал:

— Бездомный бродяга, господин мэр, не имеет, по его признанию, ни денег, ни имущества, задержан как нищий и бродяга, предъявил исправные свидетельства, документы в порядке.

— Покажите-ка мне их, — молвил мэр.

Он взял документы, прочел раз, другой, отдал обратно и приказал:

— Обыщите его!

Ранделя обыскали; ничего не нашли. Мэр, казалось, был смущен.

— Что вы сегодня утром делали на дороге? — спросил он рабочего.

— Искал работы.

— Работы? На большой дороге?

— Как же, по-вашему, мне ее искать? В лесу, что ли, прятаться?

Они смотрели друг на друга с ненавистью зверей, принадлежащих к враждебным породам. Представитель власти продолжал:

— Я прикажу отпустить вас на свободу, но, смотрите, больше мне не попадайтесь!

Плотник ответил:

— Лучше бы вы меня задержали. Надоело мне шлаться по дорогам.

Мэр принял суровый вид:

– Замолчите.

Потом приказал жандармам:

– Отвести этого человека за двести метров от деревни, и пусть идет своей дорогой!

Рабочий сказал:

– Прикажите хоть накормить меня по крайней мере.

Мэр возмутился:

– Недоставало только кормить вас! Ха-ха-ха! Нечего сказать, ловко придумал!

Но Рандель настойчиво продолжал:

– Если вы снова оставите меня подыхать с голоду, то сами толкнете на дурное дело. Тем хуже для вас, толстосумов.

Мэр встал и повторил еще раз:

– Уведите его поскорей, иначе я рассержусь вконец.

Жандармы тотчас подхватили плотника под руки и поволокли его. Он не сопротивлялся, снова пересек деревню и очутился на дороге; отведя его метров на двести от межевого столба, сержант объявил:

– Ну, теперь проваливайтесь, и чтоб я вас больше не видел, иначе будете меня помнить!

И Рандель снова пустился в путь, ничего не ответив и не отдавая себе отчета, куда идет. Он шел все прямо, минут пятнадцать – двадцать, до того отупев, что больше уже не думал ни о чем.

Но вдруг, когда он проходил мимо домика с полуоткрытыми окнами, запах супа проник ему в самое нутро и заставил его остановиться,

И голод, нестерпимый, дикий, ненасытный, сводящий с ума голод, сразу охватил Ранделя с такой силой, что он готов был, как хищный зверь, накинуться на стены этого жилья.

Он громко простонал:

– Черт возьми, уж на этот раз они угостят!

И принялся изо всех сил стучать палкой в дверь. Никто не ответил, и он застучал еще сильнее, крича:

– Эй! Эй, люди, эй! Кто там, откройте!

Ничто не шелохнулось в доме; тогда, подойдя к окну, он толкнул

его рукой, и спертый воздух кухни, теплый воздух, насыщенный запахами горячей похлебки, вареной говядины и капусты, повалил навстречу холодному воздуху со двора.

Одним прыжком плотник очутился в комнате. Стол был накрыт на два прибора. Хозяева, наверно, пошли к мессе, оставив в печке обед – хороший, воскресный кусок мяса в жирном супе с овощами. Свежий хлеб лежал в ожидании их на камине между двух бутылок, по-видимому, полных.

Рандель сначала набросился на хлеб и разломил его с таким остервенением, точно убивал человека, и принялся жадно есть, быстро глотая огромные куски. Но вскоре запах говядины привлек его к очагу; сбросив с котелка крышку, Рандель погрузил в него вилку и вытащил большой кусок мяса, перевязанный бечевкой. Потом он достал капусты, моркови и луку, наложил полную тарелку, поставил ее на стол, уселся, разрезал говядину на четыре части и пообедал, как у себя дома. Поглотив почти все мясо и большую часть овощей, он почувствовал жажду, подошел к камину и взял одну из стоявших там бутылок.

Как только жидкость полилась в стакан, он понял, что это водка. Ну и пусть, она согреет его, огнем пробежит по жилам, это неплохо будет после того, как он столько зябнул. И он выпил.

Он нашел, что это действительно неплохо, – ведь он уже отвык от водки, – и, снова наполнив стакан, осушил его в два глотка. Почти тотчас же су повеселел, оживился, как будто вместе с алкоголем ему в нутро излилось великое блаженство.

Он снова начал есть, но уже не торопясь, медленно жуя и обмакивая хлеб в суп. Все тело его пылало, особенно лоб, к которому прилила кровь.

Но вдруг вдали зазвонил колокол. Месса кончилась, и скорее инстинкт, чем страх, инстинкт осторожности, который руководит всеми существами и придает им проницательность в минуту опасности, заставил плотника вскочить; он сунул в один карман остаток хлеба, в другой бутылку с водкой, тихонько подошел к окну и выглянул на дорогу.

Она была совершенно безлюдна. Он выпрыгнул из окна и направился дальше; но теперь он пошел не большою дорогой, а

побежал полем к видневшемуся невдалеке лесу.

Он был весел, доволен тем, что сделал; он чувствовал себя ловким, сильным и настолько гибким, что перепрыгивал через полевые изгороди обеими ногами зараз, одним махом.

Едва очутившись под деревьями, он вытащил из кармана бутылку и начал на ходу пить большими глотками. Мысли его стали путаться, в глазах помутилось, а ноги сделались упругими, как пружины.

Он запел старинную народную песенку:

Ах, как славно.

Ах, как славно

Землянику собирать.

Теперь он шел по густому, влажному, зеленому мху, и этот мягкий ковер под ногами вызывал у него сумасбродное желание кувыркаться, как ребенок.

Он разбежался, перекувырнулся, встал и начал снова. И между прыжками продолжал петь:

Ах, как славно,

Ах, как славно

Землянику собирать.

Вдруг он очутился возле тропинки, тянувшейся по дну лощины, и заметил вдали рослую девушку: это возвращалась в деревню чья-то служанка, неся в руках два ведра с молоком, которые она держала на весу при помощи обруча.

Он подстерегал ее, пригнувшись, и глаза его горели, как у собаки, увидевшей перепелку.

Она заметила его, подняла голову, засмеялась и крикнула:

— Это вы так распеваете?

Он не ответил ни слова и спрыгнул вниз в овраг, хотя откос был высотой по крайней мере в шесть футов.

Неожиданно увидев его прямо перед собой, она воскликнула:

— Господи Исусе, как вы меня напугали!

Но он не слышал ее слов, он был пьян, он обезумел, отдавшись во власть другого исступления, более гложащего, чем голод,

воспламенившись алкоголем и непреодолимым неистовством мужчины, который два месяца был лишен всего, который хмелен, молод, пылок и сжигаем всеми желаниями, заложенными природой в могучую плоть самцов.

Девушка попятилась, испугавшись его лица, глаз, полураскрытого рта, вытянутых рук.

Он схватил ее за плечи и, не произнося ни слова, повалил на тропинку.

Она выронила ведра, которые с грохотом покатались, выплескивая молоко, затем закричала, но, понимая, что бесполезно звать на помощь в этом безлюдном месте, и видя теперь, что он вовсе не посягает на ее жизнь, она уступила, не особенно сопротивляясь и не очень сердясь, потому что малый был силен, хотя, правда, чересчур уж груб.

Но когда она поднялась, мысль о разлившихся ведрах сразу привела ее в ярость, и, сняв с ноги сабо, она, в свою очередь, бросилась на мужчину, чтобы проломить ему голову, если он не заплатит ей за молоко.

Но он не понимал причины этого яростного нападения и, уже немного отрезвев, растерявшись, ужасаясь того, что наделал, бросился бежать со всех ног, а она швыряла ему вдогонку камни, и некоторые из них попадали ему в спину.

Он бежал долго-долго, потом почувствовал себя усталым, как никогда. Ноги его подгибались от слабости, все мысли спутались, он утратил представление о чем бы то ни было и ничего больше не соображал.

Он сел под деревом.

Через пять минут он уже спал.

Сильный толчок разбудил его. Открыв глаза, он увидел две лакированные треуголки, наклонившиеся над ним, и тех же двух жандармов, что и утром; они держали его и скручивали ему руки. — Я так и знал, что опять тебя подцеплю, — сказал, ухмыляясь, сержант.

Рандель встал, не говоря ни слова. Жандармы трясли его и готовы были надавать ему пинков, если он сделает хоть один жест: ведь теперь он был их добычей, он стал тюремной дичью, пойманной этими охотниками на преступников, и они его уже не

выпустят.

— Марш! — скомандовал жандарм.

Они двинулись. Наступал вечер, расстилая по земле осенние сумерки, тяжелые и зловещие.

Через полчаса они достигли деревни.

Все двери стояли настежь; события были известны всем. Крестьяне и крестьянки, возбужденные гневом, словно каждого из них ограбили, словно каждая из них была изнасилована, хотели видеть негодяя, чтобы осыпать его ругательствами.

Гиканье началось у первого же дома и закончилось у мэрии, где ожидал мэр, мстительно радовавшийся участи бродяги.

Едва завидев его издали, он крикнул:

— Ага, приятель! Попался!

И потер руки, довольный, как никогда.

— Ведь я это сразу сказал, как увидел его на дороге, — продолжал он.

Потом прибавил с удвоенной радостью:

— Ах, негодяй! Ах, гнусный негодяй! Наконец-то ты заработал себе двадцать лет!

* * *

Напечатано в журнале «Новое обозрение» 1 января 1887 года.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 6. МП «Аурика», 1994

Перевод К.Локса. Neкаýalar